

Литература

1. Апресян Ю. Роман «Дар» в космосе В. Набокова // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 54. 1995. № 3. С. 3–18.
2. Джонсон Д.Б. Миры и антимирy Владимира Набокова. [Текст]. – Санкт-Петербург, «Symposium», 2011.
3. Долинин А. «Двойное время» у Набокова (от «Дара» к «Лолите») // Пути и миражи русской культуры. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 283–322.
4. Махлина С. Семиотика культуры повседневности. URL: <http://www.syntone.ru>
5. Набоков о Набокове и прочем. Интервью. Рецензии. Эссе. М.: Независимая газета. 2002.
6. Набоков В. В. Стихотворения. Ardis: Ann Arbor, 1979.
7. Носик Б. М. Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография. М.: Пенаты, 1995.

УДК 82.09

Протасова Наталия Владимировна

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЖАНРА ПОСЛАНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье прослеживается динамика развития жанра послания начиная с посланий И. А. Крылова и заканчивая посланиями А. С. Пушкина, в которых данный жанр окончательно оформился и обрел основные, свойственные ему характерные признаки.

Ключевые слова: жанр, послание, дружеское послание, контаминация, адресат.

Protasova Natalya V.

THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN EPISTLE GENRE DEVELOPMENT IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The article investigates the dynamics of the epistle genre development, from I. A. Krylov to A. S. Pushkin, who have fully developed and defined its basic characteristics.

Key words: genre, epistle, epistle to a friend, contamination, addressee.

Возрождение жанра послания в поэзии XIX века объясняется активизацией общественного самосознания и обострением интереса к отдельной личности, к внутреннему миру человека. Послания отражали эпоху во всех ее связях и проявлениях, давали не только психологический, но и бытовой портрет современников, стремясь при этом к значительности и объемности содержания.

Как правило, послания писались «на случай», были обращены к конкретным лицам, часто собратам по перу, что давало возможность не только продемонстрировать отношение к адресату, к его литературной деятельности, но и вступить в полемику, декларировать свою эстетическую программу, высказать суждения по тем или иным вопросам современности.

Наибольшее распространение в связи с этим получает дружеское послание. «Дружеские послания поэтов друг к другу, – как отмечает В. В. Афанасьев, – в лучших своих образцах собранные вместе, позволяют взглянуть на литературную жизнь эпохи с неожиданной и очень удобной точки зрения: как много откроется читателю деталей, оттенков, нюансов, но, конечно, прежде всего, крупного, значительного! Авторы посланий обмениваются мыслями, спорят, шутят, литературные вопросы обсуждаются со страстью, враги клеймятся беспощадно! Все оттенки чувства возникают в посланиях – от гнева и презрения до меланхолии и глубокой тоски... Дружеские послания эпохи романтизма – мир цельный, особенный, законченный. Это один из самых светлых моментов золотого века русской поэзии» [1, с. 394–395].

Предтечей дружеских посланий начала XIX века вполне обоснованно можно считать стихотворения И. Крылова («К другу моему», «Послание о пользе страстей» и др.), в которых мы находим элементы сатиры, философской оды и любовной лирики. Уже в творчестве М. Муравьева, И. Дмитриева и Н. Карамзина выявились те черты дружеского послания, которые найдут яркое воплощение в творчестве В. Жуковского, К. Батюшкова и молодого А. Пушкина. Дружеское послание этого периода создавало совершенно особый тип героя – свободного человека, наделенного конкретными, реальными чертами.

Первым стихотворным посланием этого периода стало послание В. Пушкина «К В. А. Жуковскому», написанное alexandрийским стихом. Характерен тот факт, что единственную прижизнен-

ную книгу стихотворений поэт начал разделом «Послания», а самым последним его произведением стало послание к А. Пушкину, в котором он, защищая племянника от несправедливых нападок, предсказывал ему великую славу, поздравлял с предстоящей женитьбой.

Одним из тех поэтов, кто в данный период обращался к жанру послания, был В. Жуковский, который, стремясь освоить все формы и жанры поэзии, не мог пройти мимо такого жанра, как послание. Это обращение в то же время было следствием поисков им нового, дальнейшего пути развития русской поэзии. В творческом наследии В. Жуковского около 60 посланий, которые отличаются идейно-стилевым многообразием. Здесь и философские мотивы («К Делию», «К Тибуллу»), философско-этические («К Филалету», «К Блудову», «К Плещееву»), торжественный лиризм («К Гете»), торжественное послание («Вождю победителей»), откровенно дружеские письма («К Батюшкову», «К Вяземскому») и др. В этих посланиях отразилась не только личная жизнь поэта, но и отголоски его времени, споры с литературными современниками; затрагиваются темы: поэт и поэзия, общественная польза, добро, единение, счастье, возрастает интерес к внутреннему миру человека, к «самовыражению».

В посланиях В. Жуковского нередко звучит тема элитарности искусства, а поэт изображается избранником, приобщенным к тайне, недоступной толпе (например, послание «Батюшкову»). Говоря о назначении поэзии, В. Жуковский в этом же послании заявляет: «...служенье муз Должно быть их достойно: Лишь с добрым их союз» [5, т. 1, с. 164]. Послания В. Жуковского интересны также своими лирическими отступлениями, они легки, остроумны, удивительно искренни и музыкальны, в них порой много юмора.

Послания В. Жуковского 1806–1810 гг. еще не обрели жанровой определенности, они во многом еще связаны с мадригалом сентименталистов, с элегией. В лирике В. Жуковского, по мнению А. А. Смирнова, произошла «резкая актуализация значимости тем дружбы и любви, так как они наиболее близки его внутреннему миру. Эти темы он решает как типичный романтик, который в каждом объекте чувствует родственную душу, дух братства и все же остается одиноким, так как его бесконечное стремление к самовыражению не в состоянии обрести постоянную форму» [8, с. 20].

Расцвет жанра послания в творчестве В. Жуковского приходится на 1811–1816 гг. Именно в это время создаются такие шедевры, как послания к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину, послание «Вождю победителей», послание «Императору Александру».

Среди посланий В. Жуковского прежде всего следует выделить те, в которых явственно видна связь с традициями ораторской панегирической литературы, это послания: «Вождю победителей» (1812 г.), «Императору Александру» (1814 г.), «К кн. П. А. Вяземскому» (1814 г.), «Александре Федоровне» (1818 г.) и др., посвященные проповеди важных, по мнению их автора, общечеловеческих истин. В этих посланиях, обнаруживающих самую тесную связь с ораторским и дидактическим красноречием XVIII века, В. Жуковский охотно прибегает к целому ряду традиционных риторических приемов, богатый арсенал которых способствовал убеждению читателя с помощью экспрессивной его «обработки». Большое место в посланиях отводится внутренним переживаниям, причем, как справедливо отмечает А. А. Смирнов, «эмоции настолько сосредоточены на внутренней жизни, что герой и фон теряют границы, взаимно проникают друг в друга и образуют общую эмоциональную атмосферу» [8, с. 21].

Во многих посланиях В. Жуковского с наибольшей полнотой отразились идеалистические воззрения поэта, базирующиеся на дуализме. Причем в них проявляется неприятие окружающего мира с его несовершенством, «гнусностью» и стремление к высокому миру, миру вечных истин и ценностей. Наиболее ярким примером этого может служить его послание «Тургеневу, в ответ на его письмо».

В 1807 году появляется стихотворение Д. Горчакова «Послание к князю С. Н. Долгорукову», которое С. П. Жихарев в своем дневнике называет сатирой и отмечает, что он читал эту сатиру в доме Державина в том же 1807 году в присутствии автора, хозяина дома и Шишкова. «Колкий стих» Горчакова отмечал и А. Пушкин в своем послании «Городок».

Определяющим для судеб жанра дружеского послания стали «Мои пенаты» К. Батюшкова, написанные в 1811–1812 гг., а опубликованные в 1814 году в «Пантеоне русской поэзии» и получившие восторженный отзыв А. Пушкина, назвавшего это послание «прелестным». В то же время А. Пушкин указывал на некоторые, на его взгляд, недостатки послания, считая «главным пороком» его «слишком явное смешение древних обычаев мифологии с обычаями жителей подмосковной де-

ревни», что «друг другу уже противоречит» [6, т. 12, с. 273]. Однако то, что для А. Пушкина казалось существенным недостатком в послании К. Батюшкова, на самом деле представляло собой попытку создания единого, общего поэтического «слога», способного отразить все многообразие духовной жизни человека. «Батюшков считал, – справедливо отмечает И. З. Серман, – что перед ним стоит задача синтеза разноприродных сфер поэтического языка, и поэтому сознательно шел на «смешение», которое Пушкину через двадцать лет уже казалось художественно недопустимым» [7, с. 54].

В стихотворении К. Батюшкова ярко проявились те черты послания, которые были присущи ему на данном этапе и на которые указывал в своей известной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» В. Кюхельбекер, давая негативную оценку «Моим пенатам» К. Батюшкова: «Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для нее облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа, или просто письмо в стихах» [9, с. 97].

Послание «Мои пенаты» К. Батюшкова создает иллюзию непосредственного монолога, заранее не подготовленного, а возникшего в присутствии читателя, хотя по объему оно весьма значительно и скорее приближается к поэме. В этом послании К. Батюшков рисует образ романтического поэта, который счастлив своими друзьями, ведет уединенный образ жизни, ищет смысл жизни в любви и дружбе, чтении хороших книг, а посему презирает «надутых» князей и свет. Дружеские разговоры, радость общения несовместимы для него со скукой светского суетного и бездуховного бытия. Он привлекает «калеку и слепого», спокойно принимает удары судьбы и не страшится самой смерти. Центральным в послании становится изображение адресата, обращаясь к которому, автор выражает свой философский и жизненный идеал.

«Мои пенаты» вызвали стихотворные отклики В. Жуковского и П. Вяземского. А. Пушкин, подражая «Моим пенатам», написал в 1815 году свое послание «Городок». В нем тот же стих, те же формы, тот же лирический герой, который «философом ленивым» живет «от шума вдалеке», посвящая свое время общению с «парнасскими жрецами». В то же время нельзя не заметить, что «Городок» А. Пушкина отличается от послания К. Батюшкова тем, что в нем вместо условно-поэтических изображений дается целый ряд подробных реально-бытовых деталей.

Так, уже в «Городке», осваивая опыт «легкой поэзии», А. Пушкин ищет свои пути в освоении и усовершенствовании жанра послания. Послание стало для него жанром «уже не противоречащим большим задачам и большим жанрам литературы, эпосу и драме, как то было в поэзии непосредственно предшествовавшего периода» [9, с. 209]. Именно в пушкинских посланиях друзьям все особенности жанра проявились наиболее полно. Интонация обращения, ориентация на конкретного или условного адресата, доверительно-интимный контакт с адресатом создают впечатление предельно искренней поэтической речи. Послание строится как «разговор», что сказывается и на интонационном строении его, нередко поэтому ему присуща интонация живой, временами неровной, оглядывающейся на разговорную стихию поэтической речи. Наглядным примером может служить послание А. Пушкина к И. Пущину.

Адресат в пушкинских посланиях, как и вообще в посланиях, может выступать или как единомышленник, или как оппонент, он обязательно присутствует, даже если просто назван поэтом или только угадывается в контексте высказывания. Близость к адресату нередко усиливается недоговоренностью, ассоциативностью, упоминанием того, что должно быть известно и понятно ему с полуслова.

У А. Пушкина, как и у его собратьев по перу, можно выделить два типа полемических посланий. В одном из них предмет полемики непосредственно связан с адресатом и вызывает резкое несогласие с ним автора по самым различным вопросам общественной и культурной жизни. Таково, например, «Послание к цензору», обращенное к одному из самых тупых и трусливых цензоров А. Пушкина А. И. Бирукову, деятельность которого поэт называл «самовластной расправой трусливого дурака» [6, т. 1, с. 397]. Послание приобретает характер политической сатиры, поскольку, обращаясь к конкретному государственному чиновнику, поэт создает обобщенный образ цензора.

В полемических посланиях другого типа адресат предстает как единомышленник автора, и тогда оба совместно выступают против своих литературных и идейных оппонентов. Таково, например, послание В. Л. Пушкина «К П. А. Вяземскому», а у А. С. Пушкина примером может служить его послание «К Жуковскому».

Однако в посланиях раннего А. Пушкина, так же как и в посланиях карамзинистов, еще чувствуется некоторая условность в изображении адресата. Личное, интимное, часто преподносится в них как норма, и условность вырастает именно на этой почве. «Послание, – как справедливо считает В. А. Грехнев, – спешно формирует художественную психологию, этику и эстетику литературной группы, не позволяя себе углубляться в только что открытый мир индивидуального... Послание в этих условиях – и форма художественной пропаганды новых эстетических ценностей, и форма литературного общения. Общения единомышленников. Это обстоятельство решающее» [3, с. 125]. Примером может служить послание А. С. Пушкина «К Языкову».

Индивидуальное как в самом человеке, так и в окружающей его среде становится в послании общей литературной темой, что и приводит к стилизации быта и применению к адресату одной из выработанных новой поэтической практикой литературных схем: «поэт-отшельник», «эпикурец», «философ», «ленивец» и т. п. Обращение к адресату как стилизованной личности давало возможность автору послания продемонстрировать гармоничную общность жизнеощущения, под знаком которого и формировалась поэзия лицейского братства и «арзамасского» содружества. Однако условный литературный образ в контексте послания обязательно перекликался с реальными, хотя и предельно обобщенными чертами адресата. Ярким образцом этого является «Послание к Галичу» А. Пушкина (1815 г.). Если мы сведем воедино те определения, которыми А. Пушкин характеризует Галича («верный друг бокала и жирных утренних пиров», «мудрец ленивый», «любownik наслаждений», «парнасский бродяга», «минутный домосед», «театрал», «друг мудрости прямой», «поклону ты не сроден», «философ благодарный», «мудрец»), то реальные черты адресата проступят настолько отчетливо, что перед нами возникнет конкретный герой – адъюнкт-профессор философии А. И. Галич. Образ адресата уже достаточно индивидуализирован. Название конкретного адресата послания позволяет опереться в его восприятии на контекст пушкинской биографии и творчества одновременно.

Следует отметить, что в 20–30-е годы в посланиях А. Пушкина проявляется стремление к большей индивидуализации адресата, что позволило ему показать неповторимость человеческого «Я», сложность и многогранность чужих духовных миров, однако и тогда поэт не отказался «от привычки рядить своих адресатов в знакомый лицейский маскарад» [3, с. 127–128].

Общение с адресатом в пушкинских посланиях, как правило, осуществляется с помощью монологической речи, рассчитанной на живой отклик, соучастие, что, по существу, предполагает ориентацию на диалог, хотя фактического реплицирования ответов собеседника нет.

Стихотворные послания А. Пушкина могут быть восприняты как своеобразная поэтическая летопись, в которой не только дан психологический и бытовой портрет интеллигента XIX века, но и отражена историческая эпоха. В связи с этим В. С. Баевский отмечает: «Первым посланием «К Чаадаеву» Пушкин показал, что и в этом жанре легкой поэзии он способен выразить самые радикальные идеи своего времени. Речь идет об уничтожении самодержавия революционным путем» [2, с. 97]. Это самое известное послание А. Пушкина к П. Чаадаеву было далеко не единственным стихотворным обращением к нему поэта, который чрезвычайно дорожил этой дружбой. «Твоя дружба заменила мне счастье, одного тебя может любить холодная душа моя», – записал он 18 июня 1821 года в своем дневнике [6, т. 1, с. 500]. В послании «Чаадаеву», написанном в этом же году, он признается: «Тебя недостает душе моей усталой». Характерной чертой пушкинских посланий к П. Чаадаеву явилось сочетание жанровых признаков послания, оды и элегии.

Огромный общественный резонанс имело послание А. Пушкина «В Сибирь», адресованное ссыльным декабристам, в котором поэт не только не отрекся от своих убеждений и от своих друзей-декабристов, но и старался поддержать их, заверить, что их «скорбный труд» и «дум высокое стремленье» не пропадут, что свою роль в освобождении народа они сыграют.

Эти послания А. С. Пушкина с полным основанием можно назвать политическими посланиями. Они носят характер политических манифестов, деклараций передовых взглядов декабристов. Этому подчинена вся система композиционно-стилевых средств, которые использует А. Пушкин (ораторский пафос, обращения, призывы, утверждения и т. п.). Таким политическим посланием можно назвать и стихотворение К. Рыльева «К временщику» (1820 г.).

На грани двух жанров – элегии и дружеского послания – стоит стихотворение А. Пушкина «19 октября», удивительное по своей музыкальности, богатству мыслей и разнообразию поэтически выраженных чувств.

Рассматривая послания А. С. Пушкина и поэтов его окружения, мы находим немало примеров контаминаций послания и элегии, послания и оды, послания и эпиграммы, послания и мадригала. Однако следует отметить, что при этом послание не утрачивает своей самостоятельности.

Послания А. Пушкина, став фактом литературной и общественно-политической жизни России того времени, оказали громадное воздействие на формирование эстетических взглядов и мировоззрения не только современников, но и его преемников, во многом предопределив перспективу развития жанра послания.

К концу 30-х годов XIX века послания утрачивают свои позиции, хотя на протяжении всего XIX и начала XX века были предприняты попытки возродить жанр поэтического послания.

Литература

1. Афанасьев В. В. «К другу стихотворцу». (О дружеском стихотворном послании эпохи романтизма) // Афанасьев В. В. Свободной музы приношенье. М.: Современник, 1988.
2. Баевский В. С. История русской поэзии. 1730–1980. Смоленск: Русич, 1994.
3. Грехнев В. А. Болдинская лирика Пушкина (1830 год). Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980.
4. Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники.: в 2 т. Т. 1. М., 1984.
5. Жуковский В. А. Сочинения: в 3 т. М., 1980.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1940.
7. Серман И. З. Батюшков «Мои пенаты». Послание к Жуковскому и Вяземскому // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973.
8. Смирнов А. А. Романтический принцип «самовыражения» в лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1988.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.